

К разобранному тесно примыкает и второй очерк того же автора «Вожди Первого крестового похода»¹⁰⁹. По своему содержанию он шире заголовка: в очерке прослеживаются основные события Первого крестового похода, на фоне которых характеризуются его предводители. Место этого очерка в развитии отечественной историографии крестовых походов определялось прежде всего тем, что автор руководствовался выводами Г. Зибеля относительно несостоятельности традиционных представлений о таких прославленных легендой вождях первой крестоносной экспедиции, как Петр Пустынник и Готфрид Бульонский. В своем очерке Шамонин, собственно, в значительной мере и ограничивался изложением основных положений немецкого историка. Последний, как известно, подвергнув пристальному анализу хроники Первого крестового похода и выяснив их соотношение друг с другом, внес много нового в трактовку вопроса о ближайших событиях, предшествовавших крестовому походу 1096—1099 гг. и непосредственно подготовивших его, а также об участии различных западных князей в походе, сравнительном значении их предводительства и т. п. Зибель доказал легендарный характер традиционной, восходящей к Альберту Аахенскому схемы событий, отводившей центральную роль при подготовке похода Петру Амьенскому и изображавшей главным героем этого предприятия герцога Готфрида Бульонского. Следуя убедительным зибелевским доводам и частично воспроизводя его аргументацию, Шамонин в своем очерке также показывает, что представления о Петре Пустыннике как первом и главном инициаторе крестового похода конца XI в. не соответствуют действительности. Легенда, сложившаяся в народе, превратила Петра Пустынника в основного возбудителя крестоносного предприятия; Урбан II в ней «занимает всего третье место, да и тут его роль неважная»¹¹⁰. На самом же деле положение вещей было иным, т. е. подлинная инициатива в возбуждении похода принадлежала папе, а Петр Амьенский являлся лишь одним из многих проповедников, действовавших в народе и предводительствовавших бедняцким ополчением 1096 г.

Эти сами по себе ценные и верные конкретные наблюдения получили, однако, в очерке Шамонина весьма искусственную и неправильную интерпретацию. Происхождение легенды о Петре Пустыннике объяснялось тем, что-де массам, целиком охваченным религиозно-аскетическим воодушевлением, крестовый поход представлялся делом божьим, и поэтому они склонны были видеть не в папе, к которому были равнодушны, а именно в «слабом отшельнике» исполнителя и выразителя божьей воли¹¹¹. Таким образом, легенда в глазах историка служила лишь показателем силы религиозных чувств народной массы¹¹², обусловивших возникновение крестоносного движения. Идеалистический подход к толкованию истории и в данном случае оказал плохую услугу историку. Интересно отметить при этом, что Шамонину отнюдь не было совершенно чуждо понимание социальных мотивов участия крестьянской голытьбы в крестоносном предприятии конца XI в. Описывая движение бедноты в 1096 г., он прямо указывает, что у бедноты с крестовым походом связывалась «надежда на освобождение из тяжелого положения»¹¹³ и что толпы народа, двинувшиеся в дальний путь весной 1096 г., «вовсе не думали подчиняться опустошавшим мирским властям»¹¹⁴. Тем не менее, находясь в плену идеалисти-

¹⁰⁹ Н. Ш а м о н и н. Вожди Первого крестового похода, стр. 457—479.

¹¹⁰ Там же, стр. 459.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же, стр. 460.

¹¹³ Там же, стр. 458.

¹¹⁴ Там же, стр. 459.